

УДК 930.221
ББК 63.5
В27

В27 **Велесова** книга. Сердце славян : чем жили, кому молились, с кем сражались наши предки. — Москва : Эксмо, 2023. — 352 с. — (Священные книги древности).

ISBN 978-5-04-180962-1

Велесова книга — это загадочная летопись, написанная древнеславянским языком на деревянных дощечках, найденных в начале XX века. Она повествует о более чем 2000-летней истории наших предков, об их вере и быте, о военных сражениях и великих путешествиях. В этом издании содержится как дословный перевод древнего текста, так и подробный разбор со сравнением разных научных точек зрения.

Вы узнаете не только о происхождении этого знаменитого исторического артефакта, но также и о жизни древних славян, о том, каким богам они поклонялись, откуда они пришли и как они оказались в Древней Индии, что такое Славянские Веды — и многое другое.

УДК 930.221
ББК 63.5

ISBN 978-5-04-180962-1

© Велихова Анна, текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. «Велесова книга»: явление тайны	9
«Дощечки Изенбека»	11
Артефакт: найденный и вновь потерянный	16
На страницах «Жар-птицы»	22
Подлинник или подделка?	29
Глава 2. Язык и голос «Книги»	39
Дохристианская письменность: «черты и резы»	41
Письменность как инструмент политики	50
Уникум или результат авантюры?	59
Глава 3. Славяне, где начинается ваша история?	73
Вопрос прародины	75
Добавить тысячу лет...	
А может, и не одну!	83
Столетия скитаний	90
Первые века новой эры: две точки зрения	100

Глава 4. «Это наша земля!» Славянское государство и вопросы его создания	109
И зачем нам эти норманны?	111
Государство и его руководители	115
Сомнительные персонажи и события	128
От Вещего Олега до Владимира Святого	134
Глава 5. Славянский пантеон: божественное и человеческое	147
Религия, наука и политика	149
Миф и сказка	153
Князь Владимир: попытка «языческой реформы»	164
Велес и другие	181
Три, да три, да три...	193
Четыре лика идола	196
Глава 6. Вместо заключения: «Велесова книга» как явление	205
Рукопись — ложь, да в ней все интересно!	207
Парад загадок	211
Велесова книга	217

ВВЕДЕНИЕ

Является ли история наукой?
— Безусловно — да! — ответят профессиональные историки.

— Нет, — припечатывают многие представители точных наук. — Эксперимент провести невозможно, никакой особой системы знаков и правил нет, да и вообще историю, как известно, пишут победители! Ну и так далее...

Конечно, с такой позицией можно — и нужно — спорить. В основном ее занимают те, кто не подозревает о наличии обширной методологии истории и целого корпуса так называемых вспомогательных исторических дисциплин, одной из функций которых как раз и является помощь в восстановлении максимально достоверной картины. Да и многие общенаучные методы — анализ, синтез, сравнение и другие — применительно к истории работают вполне успешно.

Да, несомненно, у истории как науки есть свои особенности. Если в области алгебры, гео-

метрии, физики или химии мы можем опереться на формулы и аксиомы, в истории для более или менее однозначного ответа на вопрос приходится предпринимать значительно больше усилий: сравнивая, изучая, анализируя. Ведь исторический источник — то, на чем базируется историческое исследование, — может быть пристрастен, неоднозначно истолкован, в конце концов, просто не полностью сохранен. Поэтому для всестороннего изучения того или иного вопроса подобных источников нужно привлекать как минимум несколько. И там, где дело не касается очевидных и давно установленных фактов, подчас остается пространство для новых гипотез. Более того, подобные ситуации в истории иногда возникают даже в том случае, когда, казалось бы, вопрос давно изучен и сомнительных моментов больше нет. Ибо остается искушение объявить официальные научные данные, например, не заслуживающими доверия и выдвинуть новую революционную теорию.

Время от времени в научном (и не только) сообществе всплывают артефакты и документы, появление которых провоцирует острую дискуссию. Кто-то предлагает на их основании едва ли не отменить всю существующую историческую науку, кто-то, напротив, ищет аргументы в пользу фальсифицированности новоявленного источника.

Исторический источник в классическом понимании — это любой документ или предмет, непосредственно отразивший исторический процесс и способствующий созданию представления о той или иной эпохе: от правительственных распоряжений до частных писем, от видеозаписей митингов до древних керамических черепков.

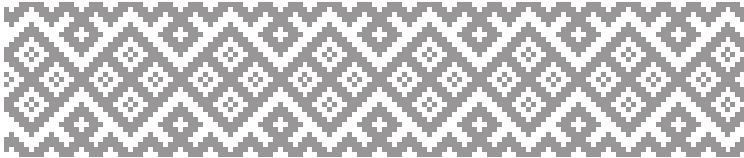
Классический пример такого камня преткновения — загадочная «Велесова книга».

Широкую известность в узких кругах она получила лишь во второй половине XX столетия. Сначала — в США, причем в основном в среде русских эмигрантов, которыми, собственно, и являлись открыватели этого документа. Затем — в СССР, где публикация выдержек из «Книги» не произвела особого ажиотажа: печатались они в журналах наподобие «Вопросы языкознания» и обсуждались на немногочисленных научных конференциях, поэтому в условиях отсутствия интернета «Велесова книга» сенсацией не стала. Кстати, одна из причин заключалась именно в том, что загадочный документ обнародовали белоэмигранты, и привлекать к нему лишнее внимание не стали.

Популярность эти тексты приобрели в СССР лишь во время перестройки, на волне «вскрытия архивов» и «пересмотра устоев». Полностью «Велесову книгу» опубликовали у нас в 1990 году; и прочитав-

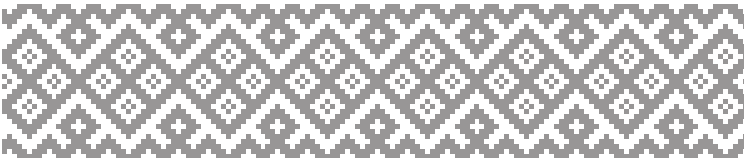
шие вскоре разделились на два лагеря. В первый входит большинство профессиональных академических историков и филологов, однозначно признающих книгу фальшивкой, созданной, скорее всего, именно теми, кто впервые явил ее миру. Второй — гораздо более разношерстный. Но в любом случае у «Велесовой книги» есть несомненное достоинство: во-первых, она пробудила интерес к родной истории у тысяч людей, а во-вторых, вызвала научную дискуссию, которая, как известно, приближает к истине. Объекты, подобные «Велесовой книге», заставляя искать, сравнивать и рассуждать, играют в этом свою положительную роль. Независимо от того, признаем мы их фальсификацией или достойным доверия материалом.

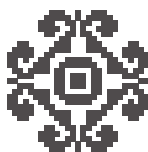
Давайте же обратимся непосредственно к этому загадочному источнику, а попутно познакомимся с некоторыми особенностями, достижениями и казусами исторической науки! В конце этого издания вы найдете приложение в виде собственно текста «Велесовой книги» в актуальном переводе, который мы несколько адаптировали к восприятию современного читателя, и сможете составить о ней свое мнение. Рекомендуем все же начать с теории и истории «Велесовой книги», а уже потом переходить к изучению ее текста. Учтите, что написание некоторых слов в нашем переводе может немного отличаться от тех образцов, которые процитированы в первой — «исторической» — части, но это вполне нормальное явление.

ГЛАВА 1.

**«ВЕЛЕСОВА КНИГА»:
ЯВЛЕНИЕ ТАЙНЫ**

«ДОЩЕЧКИ ИЗЕНБЕКА»

Наступил безрадостный для России 1919 год. Идет самый тяжелый этап Гражданской войны; в Сибири собираются антибольшевицкие силы под командованием адмирала А. В. Колчака, объявленного Верховным правителем; на юге действуют белогвардейские войска под началом Деникина, усиливается иностранная интервенция, разруха и всеобщее ожесточение достигают невыносимых пределов.

И вот в некоей полуразрушенной большевиками помещичьей усадьбе (в истории «Велесовой книги» нам постоянно будут встречаться слова «некий», «неизвестный», «неустановленный») белогвардеец Федор Артурович Изенбек обнаруживает деревянные дощечки, покрытые загадочными письменами. Сразу поняв, что перед ним нечто заслуживающее внимания (до войны Изенбек окончил Академию художеств и побывал во многих археологических экспедициях в качестве зарисовщика), он приказывает денщику сложить дощечки в мешок, забирает их с собой —

и после этого на протяжении нескольких десятилетий они вместе с Федором Изенбеком проходят по фронтам Гражданской войны, вместе с ним отправляются в эмиграцию... Пока наконец не попадают в руки тех, кто их впервые опубликовал.

И уже на этом этапе мы вступаем на путь догадок и недомолвок. Дело в том, что сам Изенбек, первооткрыватель и владелец «дощечек», ничего о них не писал и не стремился представить их широкой общественности. Сделал это писатель Юрий Миролюбов, с которым Изенбек якобы познакомился в 1925 году и которому поведал о загадочном артефакте. Все, что мы знаем о «дощечках» и об их обнаружении, известно только благодаря Миролюбову и с его слов. А он утверждает, что усадьба, в которой его друг обнаружил уникальный предмет, находилась то ли на Орловском, то ли на Курском направлении и принадлежала вроде как неким князьям — то ли Донским, то ли Задонским, то ли Донцовым.

Все это уже кажется немного странным. Во-первых, почему человек, с полувзгляда разобравшийся, что перед ним находится ценный артефакт, и сумевший сохранить его в жуткой обстановке Гражданской войны и во время бегства из охваченной огнем России, потом сам не предпринимал никаких попыток представить его научной общественности? Во-вторых, почему профессиональный военный не самого низкого звания не помнил ни направления, на котором он воевал, ни того, кому принадлежало захваченное имение?

А ведь на момент его знакомства с Миролюбовым со времени обнаружения «дощечек», по официальным данным, прошло всего около шести лет! И сам Миролюбов, познакомившись с бывшим белогвардейцем в 1925 году (если, конечно, эта дата верная), потратил 16 (!) лет на перерисовывание и якобы реставрацию ценнейшего источника, прежде чем навсегда расстаться с владельцем табличек-дощечек по причине смерти последнего — Изенбек скончался в 1941 году. Более того, он частично обнаружил эти таблички только в 1953-м! На этом загадки не заканчиваются, и к ним мы вернемся позже, пока скажем, что благодаря всем перечисленным странностям некоторые противники подлинности «Велесовой книги» даже предполагали, что Федор Артурович Изенбек — вымышленное лицо.

На самом деле такой персонаж существовал в реальной жизни, и свидетельств его деятельности более чем достаточно. Вот только все эти свидетельства никак не относятся ни к источниковедению, ни к историческим изысканиям.

Старший брат Федора Изенбека — Сергей Артурович Изенбек (1883–1962) — был известным инженером, специалистом в области морского приборостроения; во время Гражданской войны поддержал советскую власть. Преподавал во многих профильных учебных заведениях Санкт-Петербурга — Ленинграда.

В мирной жизни, до революции и позднее — в эмиграции, Изенбек был известен прежде всего как художник и график. Родился он в 1890 году, до поступления в Академию художеств окончил Морской кадетский корпус. Об истории его семьи и фамилии известно немного: писали о том, что семейство Изенбеков происходит, возможно, «из немцев», и восточное звучание фамилии — случайно. Правда, сам Изенбек способствовал формированию ореола тайны вокруг своей личности — например, часто подписывался как «Али Изим-бек» или еще каким-то подобным образом, любил рассказывать о поездках в Среднюю Азию и активно использовал в своих картинах яркие, декоративные восточные мотивы. Как уже было сказано выше, до революции он успел побывать в экспедициях в качестве штатного художника, да и вне путешествий занимался творчеством. По окончании Гражданской войны, в эмиграции, Федор Изенбек работал на фабрике ковров, создавая орнаменты, писал портреты и натюрморты (его картины сейчас в основном находятся в частных коллекциях) и практически ничем не выдавал своего интереса к истории и филологии, что было бы логично для человека, получившего в свои руки ценнейший исторический памятник. Он участвовал во многих художественных выставках и пользовался определенным успехом.

Кстати, в упоминаниях о «Велесовой книге» на момент 1919 года Изенбека обычно именуют пол-

ковником. Но согласно сохранившимся документам (известия о повышениях и назначениях в то время публиковались в газетах, в частности в «Великой России», печатавшейся тогда в белогвардейском Екатеринодаре), «подполковником с переименованием в полковники» наш герой стал только в ноябре 1919 года. Конечно, может быть так, что «дощечки» он нашел уже после этого, в конце ноября — декабре, тем более что точное время находки нам неизвестно. Но в то же время такое допущение дает противникам «Книги» еще один повод сомневаться.

Что же касается усадьбы, в которой были обнаружены таинственные «дощечки», впоследствии высказывалось предположение, что это могла быть усадьба Задонских в поселке Великий Бурлук Харьковской области. Она действительно была разгромлена в 1918 году, а через несколько месяцев, изгнав отряды Красной армии, туда пришли белогвардейцы. Более того, Федор Изенбек воевал в составе Марковской артиллерийской бригады (Вооруженные силы Юга России), которая в конце 1919 года вела бои в пределах нынешнего города Торез Донецкой области. До Харькова и его окрестностей, конечно, не то чтобы рукой подать, но можно тем не менее предположить, что в ходе боевых действий судьба занесла белогвардейского офицера именно в Великий Бурлук.

Но при чем здесь Орловское или Курское направления, о которых якобы рассказывал Миролу-

бову Федор Изенбек? Однако не будем забывать, что его слова нам известны только в передаче самого Миролюбова, поэтому вполне возможно, что это либо какая-то ошибка, либо, напротив, целенаправленное запутывание следов, если «Велесова книга» действительно была сфальсифицирована.

Первоначально «Велесова книга» обычно именовалась «Влесовой», так как на одной из дощечек первое слово читали как «влескниго». Более удобное для произношения название «Велесова» установилось позднее. В первых публикациях ее обычно называли «дощечками (или "дошьками") Изенбека».

АРТЕФАКТ: НАЙДЕННЫЙ И ВНОВЬ ПОТЕРЯННЫЙ

Федор Артурович Изенбек, как уже было сказано, умер в августе 1941 года, ни разу не попытавшись обнаружить имевшиеся у него «дощечки» (если, конечно, он действительно был их обладателем). Многие дальнейшие события — как, впрочем, и все вышеизложенное — известны нам только со слов Юрия Миролюбова.

Юрий Петрович Миролюбов (Лядский, 1892–1970) был разносторонней личностью. Родился он

в семье священника, обучался в духовном училище, Варшавском и Киевском университетах, где получил медицинское образование. В годы Гражданской войны воевал на стороне Деникина, после отъезда из России несколько лет скитался — успел пожить в Египте, Индии, Турции, Праге, пока наконец не осел в Бельгии, где начал работать инженером-химиком на глициериновом заводе. С ранней юности писал стихи и прозу, особо увлекался историей славянства; не будучи профессиональным историком, разрабатывал собственные теории происхождения русов, в которых соседствовали как вполне рациональные идеи, так и весьма сомнительные. Миролубов был уверен в историчности Атлантиды, в том, что русы — древнейший народ на земле и пришли они в Европу за много веков до начала нашей эры, составляя... авангард ассирийской армии. Государство, по мнению Юрия Петровича, у наших предков также сформировалось за много веков до «официальной даты». Но самое главное — он был свято уверен в том, что славянская письменность началась не с Кирилла и Мефодия, она родилась и успешно использовалась еще в глубокой древности, несколько тысяч лет назад. И уже на основе славянской древнейшей азбуки родились латынь, греческая письменность, а также скандинавские руны.

Необходимое уточнение: большинство современных историков вовсе не отказывают славянам в возможном наличии «докириллической письменности». Основная проблема – в почти полном отсутствии достоверных источников, по которым можно было бы судить о том, что и как писали наши предки до Кирилла и Мефодия.

В начале 1950-х годов Юрий Миролюбов начал сотрудничать с русскоязычным журналом «Жар-птица», который издавался в Сан-Франциско; переехав в США в 1954 году, он некоторое время редактировал его. Именно в «Жар-птице» еще до приезда Миролюбова в Америку появились первые статьи о «Велесовой книге» (или «дощечках Изенбека»), которые Юрий Петрович якобы впервые увидел у своего друга Изенбека более четверти века назад. А историю артефакта он излагал следующим образом.

В 1925 году в Брюсселе судьба свела Миролюбова с Федором Изенбеком. Юрий Петрович, который в то время якобы вынашивал идею написания исторического романа, пожаловался приятелю на нехватку интересного материала. В ответ Изенбек предложил ему ознакомиться с содержимым некоего мешка, лежавшего на полу в его комнате. В мешке оказались «дощечки» (сам Миролюбов и многие его последователи называли их именно так) размером примерно 38 на 22 сантиметра и толщиной около полусантиметра, связанные тонким

ремешком, пропущенным через сделанные в них отверстия. На «дощках» были хорошо видны какие-то загадочные знаки, составлявшие, видимо, фрагменты текста. С. Лесной цитирует письмо Миролюбова от 11 ноября 1957 года (напомним — написанное по крайней мере через 16 лет после гибели или пропажи самих дощечек), в котором сказано следующее: *«Поверхность была исцарапана от долгого хранения. Местами они были совсем испорчены какими-то пятнами, местами покоробились, надулись, точно отсырели. Лак, их покрывавший, или же масло поотстало, сошло. Под ним была древесина темного дерева. Изенбек думал, что “дощки” березового дерева. Я этого не знаю, так как не специалист по дереву. Края были отрезаны неровно. Похоже, что их резали ножом, а никак не пилой... Текст был написан или нацарапан шилом, а затем натерт чем-то бурым, потемневшим от времени, после чего покрыт лаком или маслом. Может, текст царапали ножом, этого я сказать не могу с уверенностью. Каждый раз для строки была проведена линия, довольно неровная. Текст был писан под этой линией... На другой стороне текст был как бы продолжением предыдущего, так что надо было переворачивать связку “дощек” (очевидно, как в листах отрывного календаря, — С. Л.)... В иных местах, наоборот, это было, как если бы каждая сторона была страницей в книге. Сразу было видно, что это многостолетняя давность. На полях некоторых “дощек” были изображены головы быка, на других*

солнца, на третьих разных животных, может быть, лисы, или собаки, или же овцы. Трудно было разобрать эти фигуры»¹.

А далее происходит следующее. Миролюбов, по его собственному признанию, сразу понимает, что перед ним — весьма интересный и ценный исторический источник. Но при этом Изенбек якобы запрещает ему выносить «дощечки» из его комнаты (судя по тому, что писал Миролюбов, дощечки, видимо, хранились в комнате, в которой его друг работал над эскизами ковров). И в течение многих лет Юрий Петрович тщательно перерисовывает дощечки, стараясь не упустить ни одной детали, а также реставрирует их, так как понимает, что загадочная «Книга» в плохом состоянии и может быть утрачена.

Не правда ли, странно? Встретились два человека, которые весьма интересуются историей и понимают важность исторического источника. Причем один из них — Юрий Миролюбов — разрабатывает отличающиеся от общепринятых исторические теории и остро нуждается в достоверных доказательствах своих идей. При этом:

- Ни один из них не предпринимает усилий к тому, чтобы уникальный источник был обнаружен как можно скорее и стал известен широкому кругу любителей истории; более того, вла-

¹ Цит. по: Творогов О. В. Что же такое «Велесова книга»? // Что думают ученые о «Велесовой книге». СПб.: Наука, 2004.

делец почему-то не разрешает даже вынести их из комнаты.

- Ценнейшие «дощечки», способные перевернуть всю историческую науку, на протяжении многих лет лежат на полу в обычном походном мешке. И их владелец, любитель искусства, неплохо разбирающийся в археологии, не предпринимает никаких попыток, например, передать их в музей, где их могли бы всесторонне изучить и предложить наиболее адекватные способы реставрации.
- Совершенно непонятно, почему не было предпринято попыток сфотографировать «дощечки» — в то время никаких особых технических препятствий к этому уже не было. Вместо этого Юрий Миролюбов (если верить его утверждениям) зарисовывает таблички и параллельно реставрирует их. О факте реставрации он сообщал в своих письмах, когда начались переговоры относительно публикации «Книги», но в чем выражалась эта реставрация, достоверно неизвестно. Миролюбов упоминает некое «склеивание» — имелось в виду, возможно, восстановление расслоившихся дощечек. Впрочем, в вопросе о фотографировании артефакта нужно сделать одну важную оговорку — и мы сделаем ее чуть позже, вернувшись к данной теме.

После смерти Федора Изенбека следы «дощечек» теряются. И это тоже довольно странно: даже учитывая ситуацию в Европе в конце тридцатых годов, трудно предположить, что два ценителя истории, один из которых многие годы переписывал и зарисовывал таинственные таблички, не озаботились их сохранностью. Впрочем, сам Юрий Петрович Миролюбов утверждал, что «дощечки» исчезли во время оккупации Бельгии нацистами (Изенбек умер, находясь на оккупированных территориях).

Короче говоря, больше никто и никогда загадочных «дощечек» не видел. Более того, их вообще никто никогда не видел, если не считать Изенбека и Миролюбова, и то только со слов последнего...

В 1970 году Ю. П. Миролюбов с супругой приняли решение переселиться из США в Германию. Но в пути Юрий Петрович тяжело заболел и скончался на борту парохода, направляющегося в Европу, 6 ноября 1970 года.

НА СТРАНИЦАХ «ЖАР-ПТИЦЫ»

После смерти Федора Изенбека прошло более двенадцати лет. И в ноябре 1953 года в журнале «Жар-птица» появилась заметка о том, что в Европе при участии публициста Юрия

Миролюбова отыскались некие «дощечки», в которых содержатся ценнейшие сведения по истории Древней Руси. При этом в заметке было сказано, что «мы» (то есть редакция) уже получили некие фотографические снимки дощечек; более того, что они переведены на современный русский язык «ученым-этимологом А. Куром».

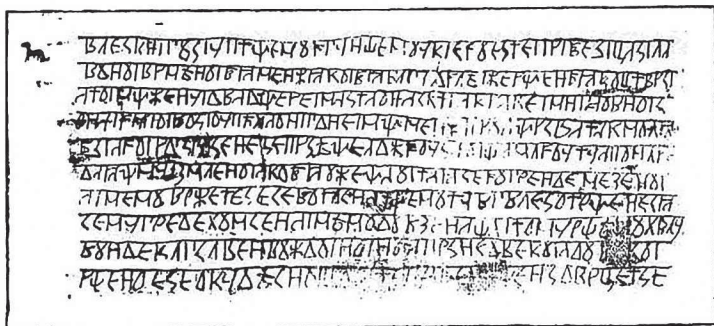
А далее начинается путаница. В следующем номере журнала «Жар-птица» (декабрь 1953 года) некие мелкие разрозненные тексты действительно были опубликованы. Но это были не фотографии дощечек и даже не прорисовки, выполненные Миролюбовым, — это были просто отрывки из переводов, якобы сделанных к тому времени.

Дальше — больше. Сохранились письма Юрия Миролюбова в редакцию «Жар-птицы», в которых он то пишет, что «фотостаты» с дощечек сделаны не были, но где-то у него было несколько штук (?), то утверждает, что репродукции есть, но неясные. Возникает вопрос, что имела в виду редакция журнала, указывая в ноябрьском номере 1953 года, что в ее распоряжении имеются фотографии?

В январском номере «Жар-птицы» 1955 года была опубликована иллюстрация, которую назвали «фотостатом» некоей «дощечки № 16». И только весной 1957 года журнал начал публиковать полные тексты дощечек, и продолжались эти публикации до 1959 года, когда «Жар-птица» была закрыта.

MUSEUM OF RUSSIAN CULTURE
2450 SUTTER STREET
SAN FRANCISCO, CALIFORNIA 94115

Опубликованное в «Жар-птице» в 1955 году
изображение одной из «дощечек»

Отвлечемся ненадолго от истории публикации дощечек и обратимся к личности человека, которого редакция журнала называет «ученым-этимологом А. Куром».

А. Кур или Ал. Кур — это псевдоним, настоящее имя — Александр Александрович Куренков (1891–1971). Выпускник Казанского военного училища, также учился в Казанском университете (но о его образовании данных мало). С началом Гражданской войны Александр Куренков выступил на стороне белых, командовал 27-м Верхотурским Сибирским полком; после поражения Белой армии некоторое время жил в Маньчжурии, затем — в США. И в 1940-х годах Александр Александрович начинает публиковать

весьма любопытные работы. В одной из них он сообщает, что в годы Гражданской войны присутствовал при операции, которую проводили некоей раненой девушке явно аристократического происхождения, и предполагает, что это могла быть великая княжна Анастасия Николаевна Романова, бежавшая из-под ареста и избежавшая расстрела в Ипатьевском доме. Высказывалось также мнение, что дочери Николая II во время убийства ее семьи удалось притвориться мертвой и впоследствии выбраться из подвала, в котором была уничтожена ее семья. Также Куренков писал, что он принимал непосредственное участие в изучении фото, сделанных на горе Арарат и запечатлевших остатки Ноева ковчега. Затем представил на суд читателей некие таинственные петроглифы, которые якобы являлись «шумерскими записями о всемирном потопе». При этом ни протоколов операции или опроса врача, лечившего предполагаемую княжну, ни снимков корабля на Арарате, ни источников «шумерских записей» он не предоставил. Современные исследователи видят в этих публикациях простое желание приобрести известность.

Важно, что систематического исторического или филологического образования Александр Куренков не имел. В 1940-х годах он окончил Колледж Божественной метафизики в Индианаполисе и получил диплом психолога, но надо сказать, что данное учебное заведение у серьезных ученых не котирировалось.

При этом в 1950-х годах Александр Александрович состоял в числе кураторов Музея русской культуры в Сан-Франциско и некоторое время заведовал его историческим отделом.

С началом публикации «дощечек Изенбека» имя А. Кура как «автора перевода» древнего артефакта постоянно стоит рядом с именем Юрия Миролюбова, их первооткрывателя. Но был ли он на самом деле переводчиком, если мы примем на веру, что древний документ является подлинным? Как мы только что выяснили, профессиональным историком или лингвистом Александр Александрович не был, и в редакции «Жар-птицы» его назвали таковым незаслуженно. Да, он вполне мог быть увлеченным любителем, но все же работа с древними источниками требует более систематического специального образования и — что еще более важно — доказанных реальных работ в этой области. Последним А. Кур похвалиться не мог. Когда он познакомился с Юрием Миролюбовым, когда начал работать над переводом «дощечек» — достоверно неизвестно.

Сергей Лесной (С. Я. Парамонов) описывал это так: *«В условиях войны и дальнейшей разрухи Ю. П. Миролюбову было, конечно, не до “дощечек Изенбека”, опасность не раз угрожала его жизни. В 1953 году слухи о существовании дощечек дошли до А. А. Кура (генерал Куренков), и он опубликовал в журнале «Жар-птица» обращение к читателям: не знает ли кто-нибудь*

что-то достоверное о дощечках. Ю. П. Миролюбов ответил (письмо опубликовано), сообщив необходимые сведения, и охотно стал пересылать А. А. Куру тексты для переработки. А. А. Кур начал изучать их и печатать о них... отдельные статьи в журнале “Жар-птица”»². Но как именно до А. Кура дошли слухи о «дощечках», если Миролюбов и Изенбек держали информацию о них практически в полной тайне? И сторонники того, что «Велесова книга» является фальшивкой, считают, что и обращение А. Кура, и инициатива Миролюбова — всего лишь часть продуманной мистификации.

Противники подлинности «Велесовой книги» видят в сотрудничестве Ю. П. Миролюбова и А. Кура простое подтверждение тезиса «одна голова хорошо, а две — лучше»: мол, вдвоем справиться с подготовкой мистификации было проще.

Итак, в первой половине 1950-х годов «дощечки Изенбека» и их переводы публикуются в «Жар-птице». В каком качестве они были представлены публике?

Ю. П. Миролюбов и А. Кур заявили, что «дощечки» представляют собой подлинный документ, созданный около IX столетия (возможно, языческими жрецами Новгорода) и описывающий период древнерусской

² Сергей Лесной (Парамонов С. Я.). Откуда ты, Русь? Крах норманнской теории. М. : Эксмо, 2005.

истории едва ли не с начала I тысячелетия до нашей эры. Там содержатся сведения о верованиях, общественной жизни и культурных особенностях древних славян, которые, в частности, именуются русичами и родословная которых выводится из «ариев» (арийцев). Забегая вперед, скажем, что переводы «Книги», которых к настоящему времени имеется несколько, могут довольно сильно различаться между собой; иногда этот факт приводят как доказательство искусственности, надуманности языка, на котором она написана.

В то же время первооткрыватели «Велесовой книги» уверяли, что язык, на котором составлен текст «дощечек», — это прародитель не только русского, но и ряда многих других славянских (а возможно, и не только славянских) языков. Знаки, которыми записан текст, — древнейшая славянская азбука, появившаяся значительно ранее, чем та, что создана Кириллом и Мефодием!

В «Книге» описывается весьма обширный пантеон славянских богов — значительно более обширный, чем тот, о котором мы можем судить по немногочисленным источникам, признаваемым официальной наукой. Славяне именуются «внуками Дажбога»; большое внимание уделяется богу Велесу, который выступает не просто как покровитель скотоводства, которым его было принято считать. Ему приписывается «изобретение» земледелия, установление моральных законов, он выступает как бог-просветитель. Кроме того, «Книга» причисляет

к славянским божествам высших существ, которые до тех пор считались принадлежащими, например, к ведической культуре. Отрицается наличие жертвоприношений у славян, уравнивается многобожие и монотеизм. Именно в «Велесовой книге» впервые была введена триада «Явь, Правь и Навь» — мир видимый, мир потусторонний и «мир закона и правил». Ни в каких иных источниках относительно истории славян подобных сведений нет. Также в «Книге» приводятся тексты, которые можно расценивать как подобие молитв древним богам.

Сохранились ли в каком-либо виде переводы «Велесовой книги», помимо тех расшифровок, которые публиковались в журнале «Жар-птица»? Да. Имеются машинописные переводы полного текста, которые, судя по всему, были созданы Ю. Миролубовым или А. Куром перед публикацией фрагментов в «Жар-птице».

ПОДЛИННИК ИЛИ ПОДДЕЛКА?

После первых публикаций, в 1950-х годах, «Велесова книга» не вызвала особого оживления в науке хотя бы потому, что предмет исследования был достаточно узкоспециальный, а журнал «Жар-птица» не отличался большими тиражами и в 1959 году закрылся.

Но вскоре после публикации «дощечек» ими заинтересовался уже упоминавшийся Сергей Лесной (Сергей Яковлевич Парамонов, 1894–1967). Он был выпускником Киевского университета, где получил специальность энтомолога и позднее стал доктором биологических наук. После Второй мировой войны работал в Австралии; как историк-любитель опубликовал ряд работ по истории Киевской Руси. Считается, что именно Сергей Лесной первым назвал «дощечки Изенбека» «Велесовой» (вернее, тогда еще «Влесовой») книгой. Он подробно ознакомился с официальной историей обретения этого документа, изучил все, что было опубликовано в «Жар-птице», и выпустил несколько собственных работ, как посвященных Древней Руси в целом, в которых «Книга» выступала лишь одним из объектов изучения, так и рассказывающих исключительно о ней. Так, упомянутая выше книга «Откуда ты, Русь? Крах норманнской теории» — это свежее переиздание вышедшего в Виннипеге в 1964 году тома³. В 1953–1960 годах Сергей Лесной опубликовал несколько томов статей, объединенных общим названием «История руссов в неизвращенном виде». Там критикуется норманнская теория, согласно которой государство на Руси было создано варягами (норманнами), обосновывается значительно более древняя, чем было принято считать, история

³ Сергей Лесной. Русь, откуда ты? Виннипег, 1964.

славянской цивилизации и так далее. И, конечно же, в этих сборниках нашлось место и для рассмотрения «Велесовой книги». Отдельная работа, посвященная обнаруженному Федором Изенбеком артефакту, была издана Сергеем Лесным в 1960-х годах и несколько раз переиздавалась в последние 20 лет⁴.

Сергей Лесной (Парамонов) склонялся к тому, что «Велесова книга» — подлинник. Он считал, что любая фальсификация может создаваться по трем основным причинам: желание прибыли, желание славы, желание пошутить. По мнению Лесного, ни одна из этих причин не могла служить основой для создания артефакта: *«Из того, что мы знаем, видно, что Изенбек не пытался никому продавать дощечек, значит, соображения материального порядка отпадают; дощечки Изенбека не имеют к деньгам никакого отношения. Не искал Изенбек со своими дощечками и славы, наоборот, мы только можем упрекнуть его, что он держал их почти втайне и так мало способствовал тому, чтобы ученые заинтересовались ими. Кроме того, ни археологом, ни собирателем древностей он не был. Вообще о дощечках узнали только через 13 лет после его смерти: отпадает и второе предположение. Наконец, дощечки не могли быть и предметом шутки, ибо на изготовление нужно было много месяцев упорного труда, что*

⁴ Например: Сергей Лесной (Парамонов С. Я.) Велесова книга. Виннипег, 1966.

совершенно не оправдывает шутку. Если мы прибавим к этому, что Изенбек не знал хорошо славянских языков и вообще славянской древности <...> — становится понятным, что о подделке дощечек Изенбеком не может быть и речи»⁵. Далее Сергей Лесной приводит еще ряд аргументов, доказывающих, по его мнению, что подделка такого артефакта потребовала бы слишком много времени и сил, а «выхлоп», как говорится, был бы совсем незначительный. Например, он пишет, что создание «Велесовой книги» было бы просто не под силу одному человеку.

Но ведь если Изенбек не подделывал дощечки, это еще не значит, что этого не мог сделать кто-то другой... Или «другие».

В 1960 году Сергей Лесной прислал советским филологам-славистам тот самый снимок, который был в 1955 году опубликован в «Жар-птице» и именовался «фотостат дощечки № 16» с десятью строками текста. Изучением этого изображения занялась палеограф, историк и лингвист Лидия Петровна Жуковская. Ее работа привела к неожиданному результату: оказалось, что это снимок не деревянной дощечки как таковой, а всего лишь фотография бумажной прориси этой дощечки, возможно сделанной Юрием Миролубовым. Получается, что научное сообщество не располагало

⁵ Сергей Лесной (Парамонов С. Я.). Откуда ты, Русь? Крах норманнской теории. М. : Эксмо, 2005.

вообще ни одним снимком «дощечек Изенбека» — только рисунками и переводами, которые якобы сделал Александр Куренков (А. Кур). Ну а вывод Лидии Петровны Жуковской был однозначен: «Велесова книга» — подделка. Свои тезисы в доказательство этой точки зрения она изложила в статье, напечатанной в журнале «Вопросы языкознания»: «*Фотография, опубликованная С. Лесным, не является снимком с доски. В ней на расстоянии 2–2,5 см, 6,5 см, 10,5–11 см, 15,5 см от левого края прослеживаются тени, образовавшиеся, по-видимому, от сгибов материала, с которого производилось фотографирование. С доской этого произойти не могло. В правой половине снимка очертания многих букв расплылись, следовательно, фотографировался не твердый материал с начертаниями, выполненными посредством прорезывания и выщербления его, а письмо, расположенное в одной плоскости, нанесенное красящим веществом. Все это говорит о том, что фотографировалась не сама “дощечка”, а бумажная копия с нее или прорись. Есть основания полагать, что при изготовлении снимка была произведена ретушовка*⁶. Все это совершенно недопустимо при научном воспроизведении текста»⁷. Далее Л. П. Жуковская приводит ряд аргументов филологического плана, но мы обратимся к ним в соответствующей главе.

⁶ Так в тексте.

⁷ Жуковская Л. П. Поддельная докириллическая рукопись (к вопросу о методе определения подделок) // Вопросы языкознания. 1960. № 2.

К числу аргументов против подлинности «Велесовой книги» относят следующий: если верить Ю. Миролубову, толщина дощечек была около 0,5 сантиметра. Но деревянные пластины такой толщины, скорее всего, просто не выдержали бы «напора веков» и не дожили до XX века, если были изготовлены в IX столетии... Хотя это спорное утверждение.

Лидия Петровна и некоторые ее коллеги высказали еще одно предположение: «Велесова книга» могла быть изготовлена в девятнадцатом столетии известным мистификатором Александром Ивановичем Сулакадзевым (1771–1829). Он был увлеченным собирателем древностей, библиофилом и любителем старины. Владел большой библиотекой, в которой, помимо дорогих изданий на разных языках, хранилось немало старинных рукописей. В свободное время Сулакадзев создавал различные «исторические подделки», но это увлечение, как утверждает большинство современников, не имело под собой никакой корыстной основы. Например, он являлся автором так называемого «Боянова гимна», фальсификации, написанной церковнославянскими буквами, но стилизованными под северные руны. Автором произведения был объявлен мифический древнерусский певец-сказитель Боян, который упоминается в «Слове о полку Игореве». Также Сулакадзев создал рукопись «О воздушном летании

в России», из которой следовало, что некий подъячий Крякутный в 1731 году совершил первый в истории полет на воздушном шаре.

Миролюбов, когда до него дошла информация о результатах экспертизы прориси дощечки № 16 и о том, что автором мистификации многие считают А. И. Сулакадзева, написал российским коллегам, что он уже сравнил тексты «Книги» с работами последнего и ничего общего в них не находит.

Новую волну популярности «Велесова книга» переживала в 1990-х годах. Известный советский и российский филолог и историк, доктор филологии Олег Викторович Творогов провел подробный анализ текста (также с его подачи в 1990 году в СССР был впервые опубликован полный текст перевода «Книги») и заявил, что считает это произведение фальсификацией⁸. Более того, ученый заметил, что в машинописном варианте текста «Книги» и в переводах, опубликованных в «Жар-птице», есть разночтения! А значит, было несколько вариантов одного и того же текста: «Сравнения текстов журнального (далее Ж) и машинописи (далее М) приводят нас к поразительным выводам. Приведем лишь некоторые из них:

⁸ Творогов О. В. Что же такое «Велесова книга»? // Что думают ученые о «Велесовой книге». СПб. : Наука, 2004; Творогов О. В. К спорам о «Велесовой книге» // Что думают ученые о «Велесовой книге». СПб. : Наука, 2004 и т. д.

1. Имеются случаи, когда в Ж указано на дефекты дощечки: “текст разрушен”, “текст сколот”, “ряд букв стерлись или соскоблены”, а в М на том же самом месте читается исправный текст. Как при наличии таких помет можно объяснить, что именно машинописный текст оказывается полнее изданного? Ведь дощечки давно погибли, и машинопись была единственным источником для издания.
2. Необъяснимы случаи, когда в одном и том же тексте Ж и М различаются не буквами (что можно объяснить опечатками, редакторскими поправками и т. д.), а словами. Например (первое чтение Ж, второе М): *земіа — доржава, по рієце — по донаіу, два роді — два вієтва...* Произвольная правка текста не вызывает сомнений»⁹.

Но на эти странности обращал внимание не только О. В. Творогов. Кстати, ученый считал, что основным автором артефакта был сам Юрий Миролубов, а собственно создание «Велесовой книги» велось с начала 1950-х годов; причем последние прорисы Миролубов и А. Кур делали уже тогда, когда первые фрагменты были опубликованы в «Жар-птице». Впрочем,

⁹ Творогов О. В. Что же такое «Велесова книга»? // Что думают ученые о «Велесовой книге». СПб. : Наука, 2004.

Олег Викторович отмечал, что у «Книги», несомненно, имеется определенное сходство с творениями Сулакадзева и что Миролюбов как минимум вдохновлялся работами своего предшественника. Схожую позицию занимал и археолог Александр Львович Монгайт. Он высказал точку зрения, что первые таблички (если, конечно, они существовали на самом деле) могли быть изготовлены в XIX столетии Александром Сулакадзевым. А Юрий Миролюбов, в руки которого они каким-то образом попали, мог «добросовестно заблуждаться» и искренне верить, что это памятник древнерусской письменности. Хотя он точно так же мог, зная, что это не более чем подделка, сознательно «вбросить сенсацию» и наслаждаться результатами...

В архивах Александра Сулакадзева упоминается о неких «буковых досках с письменами» и имеется предположение, что это могли быть «дощечки», составившие впоследствии «Велесову книгу» и вдохновившие Юрия Миролюбова или еще какого-либо мистификатора явить миру новый артефакт.

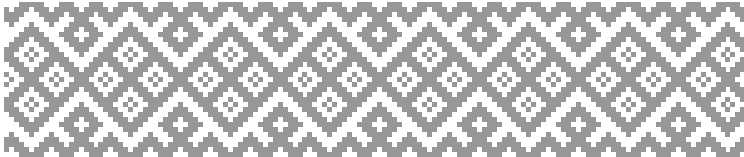
В восьмидесятые — девяностые годы XX века, помимо убежденных сторонников того, что «Велесова книга» — не более чем фальшивка, в среде любителей истории сформировался целый лагерь сторонников ее подлинности. В основном тех, кто считает, что русская история была «оболгана немцами» и нуждается

в пересмотре и возрождении. Хотя, казалось бы, норманнскую теорию, из-за которой сломано множество копий, развенчали уже давно, а в древности и величии славянской культуры никто не сомневается.

Текст, явленный миру таким странным образом, многие считают подлинным памятником древнерусской письменности и культуры. На настоящий момент существует множество его переводов, правда сделанных в основном непрофессиональными филологами. В частности, о подлинности «Велесовой книги» писали историк и публицист В. И. Скурлатов, писатель С. Т. Алексеев, художник И. С. Глазунов, писатель В. И. Щербаков. Известность завоевали переводы «Книги», выполненные А. И. Асовым, В. и Ю. Гнатюк, Н. В. Слатиным.

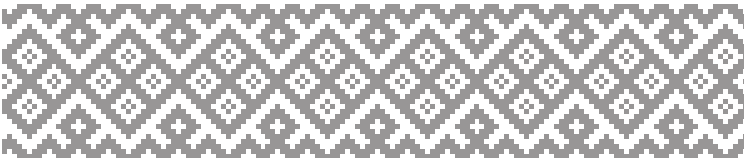
Спор о «Велесовой книге» идет давно и, вероятно, закончится не скоро. Давайте, не склоняясь однозначно ни к одной из сторон, попробуем «привязать» эти загадочные тексты к тому, что известно о славянах и их культуре, а также продолжим рассматривать аргументы за и против.

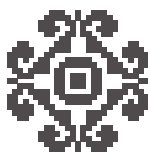

ГЛАВА 2.

**ЯЗЫК И ГОЛОС
«КНИГИ»**

ДОХРИСТИАНСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ: «ЧЕРТЫ И РЕЗЫ»

«Если б сколько-нибудь бить посмелее нам, так греки наполовину станут такими, что не имеют силы той и все обабились, а у таковых мечи-то тонкие и со щитами легкими, и быстро такие выдыхаются и на землю кидаются тут по слабости своей. Потому как помощи от василевсов нет им, и на защиту свою самим вставать им...

Говорят они, что установят нам свое письмо, чтобы мы его взяли и утратили свое. Вспомни-ка того-то ведь Илара, что хотел учить детей-то наших, а прятаться ему пришлось в домах тех, будто мы того не знали; учился ж нашим письменам, и как богам нашим треба-то устраивать»¹⁰.

В этом переводе «Велесовой книги», осуществленном Н. В. Слатиным, явственно говорится, что не греки учили славян письменности, а совсем наоборот.

Как уже было сказано выше, сторонники подлинности «Велесовой книги» утверждали (и утверждают),

¹⁰ Слатин Н. В. Велесова книга / литературный перевод ее текстов с примечаниями. М.: Русская правда, 2006.

что ее тексты составлены при помощи письменности, значительно более древней, чем кириллица, и на некоем «праязыке», на котором говорили славяне еще много веков назад. Ну и как дополнение — история государства славян (а наличие сложившейся письменности, которой пользуется большая часть населения, вполне можно считать одним из признаков государства) значительно более длинная, чем принято считать. Не говоря уже о том, что вовсе не варяги были его создателями. Впрочем, последнее утверждение разделяет также и большинство академических историков.

Версия официальной исторической науки относительно славянской письменности такова: да, вероятно, у древних славян имела место некая система знаков, причем, возможно, вполне развитая и совершенная. Но, к сожалению, судить о ней сложно ввиду крайне малого количества источников. Одна из причин сложившейся ситуации — в крещении Руси и активной христианизации населения начиная с конца X столетия. Внедрение азбуки, созданной с легкой руки Кирилла и Мефодия, шло практически параллельно с распространением христианства. И, возможно, «языческая» система записи знаков в определенном смысле истреблялась целенаправленно. Хотя, конечно, в этой версии тоже есть определенные натяжки.

Давайте рассмотрим различные мнения об истории славянской письменности — и, конечно, варианты

переводов «Велесовой книги»! Чтобы у нас были какие-то ориентиры, на основе которых можно оценить все за и против, отталкиваться мы будем в дальнейшем от официальной истории образования славянского государства и рождения системы письменности.

То, что мы знаем сейчас о ранней истории славян, и то, что признается академической исторической наукой, основано преимущественно на летописных источниках — таких, например, как «Повесть временных лет». Основная проблема, связанная с ними, в том, что создавались они достаточно поздно, уже в христианскую эпоху, а значит, «фотографической точностью» отличаться не могут. При изучении истории славян привлекают также работы иноземных авторов, таких как Тацит или Гай Плиний Старший, и путешественников наподобие Ахмада ибн Фадлана. Последний в 920-х годах побывал в Волжской Булгарии, где много общался с приехавшими туда торговать русами, и оставил записки об их обычаях и культуре.

Предполагаемый автор «Повести временных лет» — Нестор, монах Киево-Печерского монастыря; Русской православной церковью был канонизирован в лике преподобных. Известно о Несторе мало, ряд исследователей оспаривают его авторство относительно «Повести...» или считают ее плодом коллективного творчества.

И уже на летописных источниках, на упоминаниях античных авторов о славянах и их предках, на средневековых хрониках выстраивали свои теории историки значительно более позднего времени.

Предположительно в конце X столетия или чуть позже был составлен трактат «О письменах», известный, правда, в более поздних списках XIV–XVIII столетий. Его предполагаемый автор — некий «черноризец Храбр», возможно работавший в Преславской книжной школе. Школа эта считается первым в мире славянским учреждением подобного рода, а основал ее в болгарском городе Плиска, скорее всего, один из учеников Кирилла и Мефодия. Впоследствии школа была перенесена в Преслав. Там переводили Библию и другие священные книги на старославянский язык — тот самый литературный язык, который был, по сути, создан Кириллом и Мефодием.

Кто такой «черноризец Храбр»? Судя по слову «черноризец», он, возможно, являлся монахом, при этом иногда исследователи именуют его «монахом-воителем» — для того времени вполне возможное сочетание. Звали ли его «Храбр», или, как предполагают некоторые, это всего лишь прозвище, данное ему за смелость в полемических баталиях, — неизвестно. Высказывается также предположение, что «черноризец Храбр» — не более чем псевдоним. В своем трактате «О письменах» он повествует: *«Ведь прежде славяне, когда были язычниками, не имели письмен, но читали*

и гадали с помощью черт и резов. Когда же крестились, то пытались записывать славянскую речь римскими и греческими письменами, без порядка. Но как можно хорошо написать греческими буквами “Бог” или “живот” <...> и иные подобные этим слова? И так было многие годы. Потом же Бог человеколюбец, который правит всем и не оставляет и человеческого без знания, но всех приводит к познанию и спасению, помиловал род славянский и послал им святого Константина Философа, названного в пострижении Кириллом, мужа праведного и истинного. И создал он для них тридцать письмен и восемь, одни по образцу греческих письмен, другие же в соответствии со славянской речью»¹¹.

Храбр четко указывает, что у славян имелись в распоряжении некие «черты и резы». Сложно судить о том, как именно они выглядели, но к предположениям об этом мы обратимся чуть позже. Переводчик «Трактата о письменах», член-корреспондент РАН, историк-славист Борис Николаевич Флоря предполагал, что речь идет о некоей разновидности пиктографического письма. Обратим внимание также на последнюю процитированную фразу о том, что созданные Кириллом знаки письменности основывались частично на греческих письменах, а частично — на «славянской речи». Понять эти слова можно по-разному,

¹¹ Пер. Б. Н. Флоря. Цит. по: Сказания о начале славянской письменности. СПб.: Алетей, 2000.

но возможно предположить, что Кирилл частично использовал как основу для новой азбуки те самые «резы», которыми славяне пользовались до того.

Упомянувшийся выше арабский путешественник Ахмад ибн Фадлан об увиденном им ритуальном сожжении умершего руса писал так: «Потом они построили на месте этого корабля, который они вытащили из реки, нечто подобное круглому холму и водрузили в середине его большую деревяшку хаданга (белого тополя или березы), написали на ней имя умершего мужа и имя царя русов и удалились»¹².

Ибн ан-Надим, арабский писатель X столетия, сообщал: «Мне рассказывал один {человек}, на правдивость которого я полагаюсь, что один из царей горы Кабк {Кавказ} послал его к царю Русов; он утверждал, что они имеют письмена, вырезаемые на дереве. Он же показал мне кусок белого дерева, на котором были изображения — не знаю, были ли они слова или отдельные буквы»¹³. Это свидетельство было размещено ан-Надимом в его книге «Китаб аль-фихрист», или «Книга росписи известий об учёных и именах сочинённых ими книг»; более того, автор привел там копию той самой надписи «на дереве». Внешне она напоминает арабскую вязь и не расшифрована до сих пор.

¹² Цит. по: *Истрин В. А.* Дохристианская письменность славян // Возникновение и развитие письма. М.: Наука, 1965.

¹³ Цит. по: *Истрин В. А.* Дохристианская письменность славян // Возникновение и развитие письма. М.: Наука, 1965.

Благодаря «Повести временных лет» до нас дошла информация о заключенном в 911 году договоре между Русью и Византией; согласно выводам историков, он составлялся на так называемом среднегреческом языке, бывшем в ходу на византийских территориях. Но в самом этом договоре есть упоминания о том, что и в прежние времена подобные письменные договоренности имели место, но, к сожалению, судить о том, на каком языке и при помощи какой письменности они составлялись, сейчас вряд ли возможно.

В библиотеке Кембриджского университета хранится так называемое «Киевское письмо», примерно в X столетии написанное иудейской общиной Киева. Там содержится просьба собрать денег на выкуп из тюрьмы Яакова бен Ханукки, попавшего туда как поручителя за долги брата. В письме есть подпись, напоминающая руническую, которую иногда считают «родственной» русской дохристианской письменности.

Надписи, которые часто считают докириллическими, неоднократно находили археологи на остатках посуды, оружия, веретен, обнаруживавшихся в захоронениях и просто в археологических слоях. Причем часто они соседствуют с кириллическими письменами.

Как видим, упоминаний о наличии неких докириллических систем письма имеется достаточно

много, а вот конкретных примеров — мало. Что могли представлять собой эти письмена? (Мы пока не встаем на позицию апологетов «Велесовой книги» и не записываемся в армию ее противников — просто пытаемся предположить, как могли выглядеть письменные знаки, которыми пользовались славяне в языческие времена.)

Одна из наиболее популярных версий высказывается учеными, которые занимаются изучением истории скандинавских рун. Последние были распространены на Скандинавском полуострове начиная с первых веков нашей эры примерно до XII столетия — до момента, когда христианство завоевало прочные позиции на территории современных Дании, Швеции, Норвегии и там укрепились письменность на основе латыни. Есть предположения, что жители Скандинавии в ходе контактов с другими культурами взяли за основу их письмена и приспособили для удобства вырезания на дереве или камне — именно так и появились угловатые скандинавские руны. В числе «предков рун» называют, в частности, даже этрусскую письменность. Высказываются также мнения о том, что скандинавские руны изначально были созданы на северных землях и не имеют прототипов в числе других письменных систем.

Но так или иначе можно предположить, что и скандинавские руны, и славянская докириллическая письменность, и многие другие древние системы запи-

си возникали на основе так называемых пиктограмм, использовавшихся разными народами. Пиктографическое письмо передает смысл написанного не при помощи букв, а скорее при помощи рисунков: так, например, стилизованное изображение дерева могло означать слово «лес», кружочек с двумя палочками-рогами — «корова» или «скот» и так далее. И именно пиктографические символы были основой многих ранних алфавитов. В частности, скандинавские руны, вероятно, сохранили в своем облике условность пиктографического письма. Примерно по такому же пути могла развиваться и история славянской письменности, распространенной на Руси до крещения и до начала деятельности Кирилла и Мефодия.

Наследие пиктографической письменности — дорожные и опознавательные знаки, телефонные «смайлики» и тому подобные вещи; пиктографической письменностью до сих пор пользуется, например, народ наси, проживающий в предгорьях Гималаев.

Но факт остается фактом: «докириллических» памятников, признанных официальной наукой, в нашем распоряжении крайне мало.

Как и когда на русские земли приходит кириллица? И были ли какие-то альтернативные варианты?

ПИСЬМЕННОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИКИ

В IX столетии Византия была крайне заинтересована в распространении «восточного варианта христианства» на возможно больших территориях. К этому времени отношения Руси и Византии — наследницы Римской империи — можно охарактеризовать поговоркой «вместе тесно, а врозь скучно»: то взаимовыгодные договоры, то военные конфликты. Значительно более явный курс на плотное сотрудничество с Византией будет взят только при Владимире Святом, при котором, как известно, христианство стало основной религией на русских землях. Мы не говорим сейчас о православии, только о восточном, византийском варианте христианства. Дело в том, что распад на две ветви, получившие названия «православие» и «католичество», произойдет только в 1054 году.

Любопытно, что первые шаги в области создания славянской азбуки были предприняты Кириллом и Мефодием вовсе не на русских землях. Около 862 года в Византию прибыли послы от Ростислава — князя славянского государства Великая Моравия. Оно включало в себя в те времена большую часть современных Словакии, Венгрии, Чехии, Украины и некоторых других государств. Императору Михаилу III передали

просьбу от моравского правителя — прислать «учителей и епископов», которые могли бы поспособствовать в переводе святого писания на славянский язык. Этими учителями и стали братья Кирилл и Мефодий. Вернее, Константин и Мефодий — Кириллом младший брат стал только перед смертью, приняв постриг.

Считается, что они действительно были родными братьями, хотя высказывалось предположение, что так их начали называть уже много лет спустя, в исторических хрониках, так как оба были монахами. Родились Константин и Мефодий в византийском городе Фессалоники (по крови они, скорее всего, были греками). Братья были прекрасно образованы, хорошо знали «книжное дело» и достигли высокого положения в обществе — так, Мефодий некоторое время даже управлял одной из византийских провинций, пока не принял решение посвятить себя Богу. Впрочем, это не означало для него дальнейшее тихое проживание где-либо в монастыре — он продолжал заниматься просветительской деятельностью, но уже преимущественно в духовной области. Константин же, если верить сохранившимся свидетельствам, некоторое время даже был воспитателем малолетнего императора Михаила III. Оба брата еще до создания славянской азбуки участвовали в разнообразных миссиях по распространению восточного христианства.

И вот Константин в компании Мефодия отправляется в Великую Моравию, где составляет сла-

вянскую азбуку и занимается переводами основных богослужебных книг. Таким образом был создан литературный славянский (вернее, старославянский) язык.

Годом рождения азбуки считается 863-й, и предполагают, что ею была так называемая глаголица. Глаголических письменных памятников сохранилось не так много. Судя по всему, «первый блин» оказался комом: новая письменность оказалась не слишком удобной и через некоторое время появилась более совершенная «кириллица», в которой некоторые «глаголические» знаки были заменены на греческие. К числу наиболее известных глаголических надписей и текстов относятся, например, «Киевские листки» — рукопись, датируемая примерно X столетием и содержащая описание литургического обряда. Сохранились также рукописи на пергаменте, где кириллические записи явно сделаны поверх соскобленных глаголических — это явно говорит о том, что глаголица представляла собой более ранний опыт создания азбуки. Очень интересный памятник глаголической письменности — так называемая Башчанская (или Бокшанская) каменная плита, изготовленная, скорее всего, в конце XI столетия и найденная на территории нынешней Хорватии. Она — явное свидетельство того, что глаголица и кириллица какое-то время существовали и использовались параллельно.

В 869 году Константин серьезно заболел и вскоре скончался, успев перед смертью принять монашеский постриг и новое имя — Кирилл.

Башчанская плита была обнаружена в 1851 году. Выбитый на ней текст повествует о пожертвовании земли бенедиктинскому аббатству хорватским королем Дмитаром Звонимиром. Многим видится нечто визуально общее в знаках Башчанской плиты и «дощечках Изенбека», соответственно, делается вывод, что если «дощечки» являются подделкой – «плита» могла стать одним из источников вдохновения для фальсификаторов.

Когда же появилась кириллица, если Константин-Кирилл со своим братом Мефодием создали глаголицу? В наше время многие исследователи склонны думать, что этот второй вариант славянской письменности был создан уже не братьями-монахами, а кем-то из их учеников — предположительно Климентом Охридским и уже в 880-е годы.

Впрочем, есть и еще одна интересная теория. Известно, что далеко не все были в восторге от появления новой письменности и перевода богослужебных книг на славянский язык — например, в западном христианстве было распространено убеждение, что служба в храмах может вестись только на трех языках: латинском, греческом и еврейском. Поэтому появление «славянских библий» представителями Святого престола в Риме было воспринято как богохульство, и Константина-Кирилла вместе с Мефодием даже вызывали в Рим «для дачи объяснений». Но все